

В № 13 за 30 января нашей газеты были опубликованы условия литературного конкурса, объявленного к 30-летию «Знамени шахтера».

Предлагаем читателям первые конкурсные произведения.

«Крыжовник»

Предлагая читателям поэму под таким названием, написанную по семейным преданиям, я меньше всего хотел похвастаться своими предками. Дело тут вовсе не в том, что история моего рода какая-то особенная. Мне показалось, что история эта типична для жителей юга Западной Сибири. Мы, сибиряки-кузбассовцы, — часть нашей великой страны, но у нас есть и свои, особые черты, каких не уви-

дишь в людях других местностей. Они — не исключительность, но общая наша самобытность.

В поэме — пять глав: «Как строят дом», «Картуз», «Золотишники», «Тисульская свадьба», «На круги своя».

Валерий БЕРСЕНЕЗ,

член литературной студии «Приморье», помощник бурильщика Южно-Кузбасской ГРЭ.

«Берсеня (диалект) — крыжовник».

[Из словаря].

«Крыжовник размножается отпрысками. Одну из ветвей пригибают к земле, прикапывают, и, когда она пустит корни, из нее развивается новый молодой куст».

[Из учебника ботаники].

1. Как строят дом

... Он, верно, был садовником, Известным Среди жителей Окрестных деревень. Но так подумать, Благостно и ласно, Мешает это прозвище: «Берсеня». Прошло сто лет. Но мы заглянем через. Пусть предка нет, Но вспомнят сыновья: Не берест — вяз, Не береста, Не вереск, — Крыжовник цвел В начале бытия. Рассказывали: Прадед был плечистым, К работе грубой, Плотничкой, Привык. Но, говорят еще, Он был речистым И многих уколел его язык. Кто дуракам отдавал мозоли, Для тех велик и самый краткий путь. Был прадед томен, Не учился в школе, Но мог, как розгой, словом полоснуть. А было так: По выцветшим дорогам, Когда уже закончен веший сев, Артель сбиралась, Помолвившись богу, И шла, И — избы ставила Для всех. Кто жизнь измерил Городским аршином, Дров не колел, Стирая пот со лба, Тот не поймет,

Что это за машина — Обычная, крестьянская изба И в век железный, поклоняясь числам, Он даже не подумает порою. Каким судьбы наполнялись смыслом Под этой вот бревенчатой «корой». Привыкший к батареям и к бетону, Он посчитает грудой чепухи Все то, что угли вечером настуноут, Пока на них синюют огоньки. По деревням — бревенчатые срубы, Из толстых плах полы дз потолки. Он, этот труд, был только с виду грубым, Он очень умной требовал руки. Где есть душа, не место грубой силе. Вот — не поверят, скажут: «Через иран», А топором баясны точилы — Хотя циркулем их форму проверял. Кедровый пол, лиственный сруб, На крышу Старались класть основную дрань. Вот плотник бы теперешний услышал, Сказал бы: «Врешь, осина — это дрань, Она гниет, не вылежав и года, Хотя и шелковиста, и легка...».

(Продолжение следует)

Тихий ветерок ласкал насущенную ароматом многоцветную траву. Ермолай, перебрасывая перед собой батонок, переходил от улья к улью, осматривал пчел. И вдруг предстала страшная картина. Пять ульев были разбиты, разграблены. «Ох, злодей ненасытный, варнак ты косопалый, — погрозил куда-то в даль нашкодившему медведю. — Попадешься ты мне!».

До позднего вечера Ермолай подвешивал на сучьях деревьев колокольчики и всякие побрякушки, чтобы отпугивать наглого разбойника. Наставил на его тропы петли да капканы. Уходя с пасеки домой, перекрестил три уцелевшие колодки. Дома, встретив Ермолая, его старуха ужаснулась.

— Абу-у, абу-у, что с тобой, апший? Сам не злой пришел! Что случилось?

— Апшак чуть не сожрал всю пасеку.

— О, куда, куда. Мало ли ты им клыкков поразбивал, мало ли ты их шкуры растягивал! Гляди, как бы все это не обернулось на тебя.

Ермолай неохотно ответил:

— Видать, ерекен, мало того, что больше полусотни их душ в салтымак отпавил, — видно, придется еще встретиться.

— Ты что, апший, с ума сошел! Девятый десяток доживаешь, куда тебе, сиди дома. Так, видать, куда-то угодно. Куда-то увидит, куда-то пусть и накажет.

— Я сам накажу! Руки еще держат ружье. Не бойся, ерекен.

Старуха всплакнула, утерла слезы углом передника.

Ермолай пользовался большим уважением и почестями за бесстрашную смелость и риск не только в родном улусе Казас, а долинах Мрас-су, но и за их пределами. На Усе и Томи гокаррили: «Где Ермолай побывал, там другим делать нечего. Звери сами ему в сертке лезут». О нем и его охотничьих делах рассказывали такое, что не всегда сразу верилось. Вот один из эпизодов его давней юности.

...Это было осенью, после первого снега, который успел растаять, но местами в логах и ложбинках еще лежал. Ермолай, пропетляв по горам за белкой и колонком,

А март метет, как ошалелый, Чтобы ни солнца, ни зарю, Но из метели плотно-белой Зарю выносят снегири. Они летят, они в ударе, И не напрасен их полет, Синица клювиком ударит — И разойдется зимний лед.

В. ШОШИН, поэт.

ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА

Рассказ

возвращался в шалаш. «Хотел бы какой снежок пал: что увидишь на черной земле», — с грустью думал он. Как прошел по пути в шалаш с километром.

Вдруг посреди снежной поляны — огромный медвежий след. Забилось сердце, сжался Ермолай весь от напряжения. На ощупь по следам определил, что медведь прошел три дня назад. Быстрыми шагами, не теряя осторожности, двинулся по следу. Медведь, пройдя по снежной ложбине с версту, поднялся на склон, заросший пихтачом. След потерялся. «Вот и конец слежке», — досадливо подумал Ермолай. Темнело, сумрак окутывал лес. Ермолай сделал несколько кругов, но никаких следов не обнаружил. Стал уставать, отяжелели ноги, сел на валежину и закурил трубку.

Откуда-то взялась сорока, села на сучок и давай стрекотать. Ермолай насторожился: «Кого она видит, что она знает?». Стал присматриваться. В двадцати шагах обнаружил на коре пихты красные царапины. Он хорошо знал и не раз слышал от стариков-охотников, что медведь перед тем, как ложиться спать в берлогу, неподалеку от нее делает на коре пихты пометки-царапины. Так и есть, под гигантской пихтой чернел земляной бугор, это была выброшенная из берлоги земля.

«О, куда, что я вижу, не берлога ли это?», — сбарадовался Ермолай. Подойти прямо к ней он не посмел, пошел стороной. Между двумя корнями исполнина чернел вход в берлогу. А где след зверя? Как бы он ни пытался обнаружить его, на сухой земле по каким-либо приметам сделать это было трудно — скрывала темнота. «Ну же, ли берлога ему не понравилась, ушел?». Приблизился к самому входу и заглянул внутрь, в черную ее пасть. Что там видишь — темным-темно. «Что скажу товарищам? — подумал Ермолай. — Они, конечно,

охотно поверят. Пойдут в такую даль, через столько гор по трещинам, а вдруг берлога окажется пустая? Что тогда? Могут и просмешать открыто: «Эх, ты-ы, охотник...». Не дай, господи, еще дойдет слух до соседей».

Охотник срубил палку, на один конец намотал Бересту и поджег, на всякий случай взвел курок шомполки, опустил на колени у самой черной пасти берлоги. Постоял несколько минут. Никаких признаков, что обитаема. Ермолай полез вниз. Огонь освещал часть логова. Вдруг перед самым носом вздыбилась огромная голова зверя. У Ермолая перехватило дыхание, рука всколыхнулась, грянул выстрел. Слово ветром выдуло хребца из берлоги. Схватил топор, вытащил из чехла нож, приготовился схватке. Но из берлоги клубился лишь пороховой дым.

...Ермолай рано поднялся. Завтракать не стал, оделся по-молодецки. Тянуло его к пасеке, к оставшимся там беспризорным трем колодам. Уже с порога вдруг вернувшись, обнял жену, чего с ним давно не бывало, и ласково погладил ее седую голову.

— Не ходил бы, апший, — тихо попросила она, — чует, чует сердце что-то недоброе. Не ходи.

— Ладно, ладно, ерекен. Если что, царапаться с ним не стану. Жди сегодня вечером.

Ермолай в первую очередь обратил внимание на улья. Они невредимо стояли на месте. Колокольчатая шкура, служившая для перевозки грузов охотникам,

во. Подошел к первому капкану, на который больше всего надеялся, но его на месте не оказалось. Исчез вместе с увесистой чуркой, за которую был привязан.

«Вот, варнак, какой хитрый, убрал с дороги», — удивился Ермолай. А второй капкан оказался для лапы медведя совсем мизерным, он просто вдавил его в землю. Осталось проверить петли. В первой — пусто. Пошел ко второй. Еще вдаль от нее защемило сердце. Вся трава вокруг была помята до черной земли. Ни петли, ни валежника, за который была она привязана, не оказалось на месте. «Ах-оо, антихрист попался, не мог вывернуться, уполз с собой. Так далеко не уйдешь».

Ермолай прошел по следу не больше ста шагов. Огромный бурый медведь лежал на натянутом тресе от валежины в пяти метрах. Не то задушился, не то отдышал, даже не шевелился. «А где голова? Спрятал голову, антихрист», — сжимая в руках шомполку, подумал Ермолай. Он знал: прмах или осечка шомполки — равносильно смерти. Это не даустволка. Он так близко подошел к медведю, держа нацелу ружье, что зверь мог достать его лапой.

Это была роковая оплошность Ермолая. Медведь выбил из рук ружье и схватил старика за ногу.

Нашли Ермолая только через три дня.

А. ТОКМОГАШЕВ, пенсионер.

Примечания: апший — старик; апшак — медведь; куда-то — бог; ерекен — старуха; салтымак — стезя на умерших; сертке — кони на шкуре, служит для перевозки грузов охотникам.

Рыжий крупный кот, вальяжно вышагивая, ступил на широкую поляну. Стояла верхушка лета, солнце жарко лоснило гладкую шерсть зверя. Рыжий только что сытно отобедал птенцами и, презрительно отфыркиваясь от слезно лепечущей над ним пахи, направился домой.

ВОЗМЕЗДИЕ

Бывает и такое

осипнув от возмущения, пес. Пока он, дескать, спит, тут такое творится...

— Хах-ха! Пес бешено завертелся на месте, рванулся и, гремя обрывком цепи, махнул через забор. Он был дворцовый, этот неопределенного цвета хозяин округи. Однако благодарству его мог бы позавидовать шотландский сеттер. Он не терпел разбойничьих набегов рыжего кота и при случае в корне пресекал их.

На возмущенно-рассерженные вопли пса кот отреагировал незамедлительно. Он подпрыгнул метра на

два вверх, будто к лапам его подключили провода, бьющие электрическим током. Едва приземлившись, рыжий громадными прыжками помчался по поляне к дому. Однако путь к славительной постройке ему успевал перекрыть пес, который теперь уже молча, но куда большими, чем его противник прыжками, несся наперерез.

Посреди поляны стоял полузасохший тополь. Рыжий молнией взметнулся на него кот. Он улегся на толстенный сук и стал вылизывать мягкие подушечки лап, выкусывая из них ко-

лочки. А внизу, под тополем, крутился пес. Он уже охрип от возмущения и теперь лишь сердито кашлял. Тем не менее, в дело включилась сорока, давно следившая за скандалом, затеянным вокруг гнезда птахи. Сорока тоже рассердилась на кота — ведь она сама имела виды на тех птенцов, которых сожрал рыжий.

Поэтому, ни минуты не колеблясь, сорока уселась на самую верхнюю ветку тополя и начала всячески поносить кота. Она блажила таким базарным сплошным криком, что ее услышали

две крупные сизые вороны. Медленно снывшись с вершины пихты в ближнем лесу, тяжело пошевеливая крыльями, они лениво поплыли на крики сороки.

Вороны издали заметили рыжего, моментально оценили ситуацию и с ходу спикировали ему на спину. В воздухе, медленно кружа, поплыли клочья рыжий шерсти.

— Хра-ра! — кашлял внизу пес.

— Тра-та-та-так! — будто из пулемета, строчила сорока. А вороны деловито набирали высоту и, сложив

сизые крылья, рассекая воздух, по очереди неслись вниз. Вокруг тополя вися листопад из рыжей шерсти. Кот носился по столбу вниз-вверх. Пытался спрятаться под толстый сук, но вороны уверенно его настигали.

Посчитав экзекуцию внушительной, пес кашлянул еще раз на кота и повоенок обрывок цепи к конуре. Рыжий кот, сверкнув на солнце обшарпанным хребтом, ринулся по поляне к ближайшему дому. Сорока замолчала и умиротворенно покачивалась на ветке. Вороны уселись на толстый сук и начали чистить клювы. Вниз плавно опускались рыжие шерстинки.

Г. ФИЛАТОВ,